

ОППОЗИЦИЯ КАК ПРИНЦИП СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л. ТОЛСТОГО И Л. АНДРЕЕВА

А. А. Макарова

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

Поступила в редакцию 20 апреля 2023 г.

Аннотация: сравнительный анализ произведений Л. Толстого и Л. Андреева показывает, что писатели-современники, откликаясь на запросы времени, разрабатывали в творчестве общие темы, которые рассматривались, однако, в русле поставленных каждым из них задач. Оппозиция «чистота» — «грязь» в романе Толстого «Воскресение» и в рассказах Андреева «Тьма», «Христиане» становится метафорическим обозначением полярности того уровня нравственности, который имеет место в «низших» и «высших» слоях общества. В произведениях и Толстого, и Андреева дана резкая критика государственной системы, правосудия, церкви, которые способствовали нарушению главного закона — «закона жизни», согласно которому человек должен прожить столько, сколько отпущено ему Богом.

Ключевые слова: Л. Толстой, Л. Андреев, «Воскресение», «Тьма», «Христиане», критика, суд, «чистота», «грязь», «закон жизни», преступление, диссонанс, личность.

Abstract: a comparative analysis of the works of L. Tolstoy and L. Andreev shows that contemporary writers, responding to the demands of the time, developed common themes in their work, which were considered, however, in line with the tasks set by each of them. The opposition “purity” — “dirt” in Tolstoy’s novel “Resurrection” and in Andreev’s stories “Darkness”, “Christians” becomes a metaphorical designation of the polarity of the level of morality that takes place in the “lower” and “higher” strata of society. In the works of both Tolstoy and Andreev, there is a sharp criticism of the state system, justice, and the church, which contributed to the violation of the main law — the “law of life”, according to which a person should live as long as God has given him.

Keywords: L. Tolstoy, L. Andreev, “Resurrection”, “Darkness”, “Christians”, criticism, court, “purity”, “dirt”, “law of life”, crime, dissonance, personality.

«Воскресение» (1899) — последний — «закатный» — роман Л. Н. Толстого. Хотя творческая жизнь писателя продолжалась еще более десяти лет, от жанра романа он отошел окончательно, сосредоточившись на «малом» жанре и особенно на публицистике.

Критикой «Воскресению» присвоено жанровое определение «социально-психологический роман» [1, 190–191]. Как пишет В. А. Келдыш, в последнем романе Толстого «эпически масштабная панорама бытия соединилась здесь — впервые у писателя — со столь сокрушительной общественной критикой, столь всеобъемлющим отвержением существующего порядка жизни, столь резким усилением публицистического начала, предвещающая уже самой чрезвычайной напряженностью и — в этом смысле — новизной авторской позиции характерный “катастрофизм” настроений, постепенно захватывающий заметную часть всей русской литературы на пороге революционных событий» [2, 86].

Эти же особенности романа отмечала и современная Толстому критика. Как пример можно привести статью Е. Г. Бартенева «Несколько слов о «Воскре-

сении» Л. Н. Толстого», которая была опубликована в журнале «Женское дело». Автора статьи привлекает «широкая, охватывающая всю русскую жизнь картина», в которой отражена «текущая современность»; высоко оценивает автор обличительный пафос романа, «суету сотканной из пустяков светской жизни, лицемерие, спутанность понятий, недомыслие, черствость и грубую материальность» так называемых «сливок общества». И одновременно — «целое море человеческих страданий». Что касается центральных образов романа, то, по мнению критика, Катюша — «совершенно живая фигура». Менее удался, полагает критик, образ Нехлюдова, он «мало типичен», не слишком убедительны этапы его эволюции и ее итог. «Не живут, а проходят какими-то тенями» и политические ссыльные в романе. К числу лучших картин романа автор статьи относит картины суда [3, 77–80].

Танатологические мотивы были характерны для творчества Андреева, начиная с ранних его произведений. Они звучали и в ранних рассказах «Он, она и водка», «Загадка», «Чудак», в более поздних — «Молчание», «В тумане», «Жизнь Василия Фивейского», «Губернатор» и других. Объяснение этому андреев-

скому феномену дает современный исследователь: «Оправдание изобразимости танатологических мотивов <...> заключается в том, что они, несмотря на безусловную связь с фактом смерти, как правило, репрезентируют не его, а явления, происходящие до и после момента кончины. Парадоксально, но для культуры важно не столько мгновение смерти, мимолетное и неуловимое, сколько танатологический дискурс: подготовка к кончине, танатологическая рефлексия, ритуалы умирания, похорон и скорби, восприятие самоубийства, убийства и т.д.» [4, 27].

«Катастрофизм настроений» не в меньшей степени нашел выражение в произведениях Андреева 900-х годов: русско-японская война («Красный смех»), спровоцировавшая первую русскую революцию («Иван Иванович», «День гнева», «Царь Голод»), ощущение человеком своей ничтожности и абсолютного одиночества в контексте тех исторических событий, влиять на которые он никак не может, и желание преодолеть это одиночество хотя бы ценой самоубийства («Рассказ о Сергее Петровиче», «В тумане», «Весной»). В преодолении «катастрофизма» средствами революции (по-андреевски — бунта) писатель не верил, ибо бунт — это насилие («Губернатор», «Рассказ о семи повешенных», «Тьма»). Своими произведениями Андреев продолжал развивать мысли Толстого и его пророческие предсказания, ибо «порог революционных событий» Россия уже переступила, и главный, самый страшный ее итог — распад личности, отказавшейся от нравственных ориентиров.

С героиней романа Толстого, Катюшей Масловой, случилась «очень обыкновенная история» [5, 10]. Выросшая «между двух влияний» старых барышень, полугорничная-полувоспитанница, Катюша влюбилась в племянника своих хозяек, богатого князя Нехлюдова, который соблазнил ее и бросил. В дальнейшем ее судьба не отличалась от судеб других обманутых девушек: сначала жизнь в прислугах, но так как в тех семьях, где она служила, обязательно были мужчины, которые смотрели на нее как на легкую добычу, то с этой «профессией» пришлось распрощаться. Затем жизнь содержанки у некоего «писателя», любовь к веселому приказчику, который обещал жениться, но бросил Маслову, и наконец предложение «поступить в хорошее, лучшее в городе заведение», в котором совершается «допущенное законом и хорошо оплачиваемое постоянное прелюбодеяние» [5, 14]. От такого предложения Маслова, уже подготовленная к нему жизнью, не могла отказаться. Так она оказалась в «знаменитом доме Китаевой», в котором случилась история с отравлением купца Смелькова. Одной из обвиняемых в этом отравлении была Маслова.

В ситуации, когда «животный человек затоптал духовного человека» [5, 64], оказываются женщины той же «профессии» у Андреева: Манечка («В тумане»), Караулова («Христиане»), Люба («Тьма»).

Тема «чистоты» и «грязи» в жизни человека занимает важное место как в творчестве Толстого, так и Андреева. Нехлюдов с умилением вспоминает, какими «чистыми» были они с Катюшей в момент их первого знакомства, какими невинными и светлыми были их чувства и помыслы там, в имении тетюшек. Теперь же Катюша в тюрьме, ее судят за преступление, то есть, по общепринятым меркам, она «в грязи». Нехлюдов всегда прекрасно одет, живет в квартире, где все блестит чистотой, удачлив в служебной карьере, общается с уважаемыми в обществе людьми, собирается жениться на завидной невесте, то есть по всем признакам его теперешнее состояние — это «чистота». Но сам Нехлюдов после первого дня суда видит вокруг себя «грязь». «Грязь» в отношениях с замужней женщиной, с которой он никак не может порвать, «грязь» в его размышлениях о женитьбе, в которой не было любви, но с помощью которой он хотел устранить «неправильность половой жизни». Состояние «сумасшедшего эгоизма», в котором пребывал Нехлюдов, ставший «совершенно другим человеком» [5, 52], дает ему надежду на то, что история с Катюшей «пройдет и не нарушит его жизни» [5, 83].

Антитеза «грязь» — «чистота» постоянна у Андреева. «Чистой и мучительно прекрасной» виделась собственная жизнь герою «Тьмы» до его встречи с Любой в доме терпимости. И вот эта «чистая» жизнь «распадалась от новой правды» — правды проститутки Любы. «Какое же ты имеешь право быть хорошим, когда я плохая?», этот вопрос Любы, адресованный герою «Тьмы», вполне может задать Катюша Маслова Нехлюдову, и он вынужден искать на него ответ.

Новый рассказ Андреева категорически не понравился Горькому. Следует особо отметить, что рассказ создавался в 1907 году, «на излете» первой русской революции. Горький, как известно, в этот период приветствовал те силы, которые выступали против существующей власти (повесть «Мать», пьеса «Враги»). Поэтому тот вариант революционера, который явил собой герой «Тьмы» Алексей, был для него неприемлем. Ему чужда попытка Андреева «встать в позу мыслителя и философа» [6, 160], и в результате, по мысли Горького, — «Леонид неузнаваемо исказил и смысл, и форму события» [7, 587], о котором ему поведал на Капри знакомый Горького, эсер Рутенберг. Горький называет рассказ «мазницей дегтя» в адрес революции, говорит «о грязном издевательстве над человеком» и о «жутких деталях», которыми Андреев «уснастил» свой рассказ [7, 587].

В то же время многие критики высоко оценили рассказ Андреева, увидев в нем действительно философскую дилемму взаимодействия в мире света и тьмы и возможности для человека преодоления тьмы во имя света. Истоки проблемы находили в Священном Писании, в философии Достоевского, В. Соловьева (см. об этом статью Л. А. Иезуитовой «Би-

блейские аллюзии в повести Л. Н. Андреева «Тьма» [8]). И действительно, основная мысль андреевской «Тьмы» близка мысли Достоевского: только «ни-зойдя» к «худшим», «лучшие» смогут восстановить солидарность с народом, воссоединиться с ним духовно. Андреев, вслед за Достоевским, предлагает тем, кто считает себя «лучшими», отречься от своей надуманной «правды» и приблизиться в своем понимании жизни к тем, кто находится в «нижних слоях» общества. Эта же идея лежит в основе сюжетной линии Катюша Маслова — Нехлюдов в романе Толстого «Воскресение».

Глубокий анализ рассказа «Христиане» предложен Л. А. Иезуитовой [9]. Исследователь вполне логично выводит сюжет с проституткой из «курьерских» репортажей и статей Андреева. В репортаже «Грабеж с насилием» Андреев прямо сравнивает ситуацию с «Воскресением» Толстого. В истории двадцатидвухлетней Марии Кончиной писателя интересует «степень вины и ответственности «преступниц», которых он считает в то же время и жертвами общественного порядка» [9, 350]. Исследователь указывает также на прототипы персонажей рассказа Андреева, в частности, образ защитника — это пародия на любимого издателем «Журнала для всех» В.С. Миротубовым критика Волжского. То, что Андреев не «стал человеком какой-либо систематической веры», постоянно находился в поиске, следствием которого стало «двоение»: богоборчество и богоискательство одновременно — сближает его с Толстым, и поэтому «в подтексте «Христиан» подспудно присутствует фигура Толстого — пророка и еретика» [там же, 364].

Поэтика диссонансов главенствует в рассказе Андреева. Начало ей положено противопоставлением зала заседаний, где «весело, тепло, уютно», несмотря на людские трагедии («вот в этой комнате застрелен как-то заключенный» [10, 175]), — и неуютом улицы, где «снег потемнел... за окнами тьма». Система «двойников» в рассказе тоже строится на диссонансе. Две проститутки — из одного публичного дома, но для свидетельницы Пустошкиной происходящее в суде — лишь продолжение ее «профессии»; случайно представители власти у нее вызывают ассоциации с гостями публичного дома. Караулова же, в отличие от всех присутствующих в суде, стоит «на карауле» истинного христианства. И здесь опять можно провести параллель с Толстым: как и Толстой или его герои (например, о. Сергей), Караулова во Христа Бога верует, но христианкой себя считать не может, ибо ей не дано «жить во Христе».

У Андреева защитник «имеет вид не то смертельно влюбленного, не то собирающегося чихнуть»; священник, пытаясь убедить Караулову принять присягу, обвиняет ее «в покусительстве на применение воли божьей»; «молодой человек необыкновенно интеллигентного, даже одухотворенного вида», присяжный заседатель, обращается к Карау-

уловой с речью, в которой звучат такие слова, как «эмбрион всех сфинксов», «мистический», и этим ставит в затруднительное положение даже председателя суда. В длинной витиеватой речи защитника есть крупица правды, когда он говорит: «В лице госпожи Карауловой мы видим, господа присяжные заседатели, перевернутый, так сказать, тип христианской мученицы, которая во имя Христа как бы отрекается от Христа, говоря “нет”, в сущности, говорит “да”» [10, 187].

История проститутки Карауловой такая же «обыкновенная», как и история Катюши Масловой: служила горничной, соблазнил хозяин, был ребенок, но «в воспитательном помер», больна была... Мотивы «двоения» реальности и игры, в которую люди негласно вступают друг с другом, у Андреева также имеют толстовские корни. Несмотря на ливень, Катюша, понимая безысходность своего положения, бежит на станцию, чтобы встретиться с Нехлюдовым, и видит его в теплом вагоне, весело проводящим время с друзьями-офицерами. Размышления Нехлюдова по поводу женитьбы на Мисси, доводы «за» и «против» этого шага, — все это противоречит грубой реальности, в которую, благодаря «стараниям» Нехлюдова, погружена Катюша Маслова. Состав суда в рассказе Андреева «Христиане» и сама процедура те же, что у Толстого: председатель, присяжные заседатели, защитники, судьи, репортер, переключка свидетелей... Не случайно свидетельнице с говорящей фамилией Пустошкина так нравится в суде: все напоминает привычный ей публичный дом.

Параллель суд — публичный дом еще не раз будет проведена Андреевым. Вот защитник явно с расчетом на будущее вспоминает: «Где же этот дом?», и, «переглянувшись» с Пустошкиной, представляет ее в роли горничной: «Много бы на чай получала» [10, 179]. Присяжные заседатели напоминают Пустошкиной гостей публичного дома: «Намедни у нас тоже старичок один был, степенный, вроде как вы...», — говорит она, увидев «высокого костлявого старика» присяжного, а толстый купец напомнил ей гостя, который «напил, набезобразил, нагулял, а потом в заднюю дверку хотел уйти, — спасибо, застрял» [10, 182].

Таким образом, в рассказе Андреева «наглядно изображен “хаос” в умах российских христиан» [9, 393]. На вопрос, «кто же есть истинный христианин?», Андреев отвечает по-толстовски: истинный христианин не тот, кто ходит в церковь и усердно молится, а тот, кто верен заповедям Христа, и даже если не может в реальной жизни соблюдать некоторые из них, но в душе остается им верен.

По верному замечанию Л. А. Иезуитовой, к этой «проповеди любви к последнему человеку» вела вся русская литература [8]. В связи с этим мы можем вспомнить и «Бедную Лизу» Карамзина, и «Медного всадника» Пушкина, и «Бедных людей» Достоев-

ского, и «Кому на Руси жить хорошо?» Некрасова, и рассказы Чехова. Список авторов и произведений на эту тему можно дополнять бесконечно. Толстой и Андреев продолжили эту линию «проповеди любви к последнему человеку».

В рассказах Андреева, как и в романе Толстого, альтернативные понятия «чистота» — «грязь» меняют свою принадлежность. Алексей гордится своей «чистотой»: в свои двадцать пять он не знает женщин, не осквернил себя связью с подобными Любе представительницами женского пола. «Чистыми» кажутся ему и другие стороны собственной жизни, прежде всего, готовность отдать себя делу революции. До встречи с Катюшей Масловой в суде Нехлюдов вполне доволен своим, по дворянским меркам, безупречным прошлым и настоящим. Только после осознания степени своей вины перед Катюшей ему открывается вся «грязь» его теперешней жизни.

В итоге происходит смена понятий: «чистота» террориста и «грязь» проститутки меняются местами. Истинная «чистота» требует «загрязнения», нисхождения к «нечистым». «Диалектика нисхождения Алексея к Любви заключается в отдании своей души во имя ее духовного спасения (“воскресения”), и, в свою очередь, это требование ее восхождения к духовному началу», — так характеризует переход героев от внешней жизни к внутренней, духовной Л. А. Иезуитова [8, 459]. И вновь невольно возникает сравнение драматической ситуации «Тьмы» и «Воскресения». Различие же состоит в том, что Нехлюдову, при всем его желании отказаться от «внешнего» во имя «внутреннего», не удастся в корне порвать с собой прежним, в то время как Алексей отрешился от себя прежнего навсегда.

Таким образом, в творчестве Л. Н. Толстого и Л. Н. Андреева мы видим явные «переключки», касающиеся как важнейших исторических моментов в жизни России, так и тех нравственных итогов, к которым неизбежно ведут исторические катаклиз-

мы. И Толстой, и Андреев осуждают насилие в любом варианте, в том числе и влияние социальной среды, нравственно подавляющей личность, нарушающей так называемый «закон жизни».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Идеологический роман Л. Н. Толстого // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. — М.: Русское слово, 2000. — Т. 2. — С. 185–204.
2. Келдыш В. А. К проблеме литературных взаимодействий в конце XIX — начале XX века // Келдыш В. А. О «серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы. — М.: ИМЛИ РАН, 2010. — С. 332–377.
3. Лапшина Г. С. Неизвестная статья Е. Г. Бартенева о «Воскресении» Л. Толстого (к 75-летию со дня смерти писателя) / Г. С. Лапшина // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 1985. — № 5. — С. 76–80.
4. Красильников Р. Л. Танатологические мотивы в художественном творчестве: эстетический аспект. — М.; Вологда: Граффити, 2010. — 160 с.
5. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. / Л. Н. Толстой. — М.: Художественная литература, 1978–1985. — Т. 13. — 1983. — 494 с.
6. Горький М. Леонид Андреев // Горький М. Собрание сочинений: в 8 т. / М. Горький. — М.: Советская Россия, 1987–1990. — Т. 3. — 1988. — С. 156–194.
7. Андреев Л. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. / Л. Н. Андреев. — М.: Наука, 2007. — Т. 5. — 2012. — 795 с.
8. Иезуитова Л. А. Библиейские аллюзии в повести Л. Н. Андреева «Тьма» / Л. А. Иезуитова // Леонид Андреев и литература Серебряного века. Избранные труды. — СПб: ИД Петрополис, 2010. — С. 448–460.
9. Иезуитова Л. А. Леонид Андреев и литература Серебряного века / Л. А. Иезуитова // Избранные труды. — СПб: ИД Петрополис, 2010. — 738 с.
10. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. / Л. Н. Андреев. — М.: Художественная литература, 1990–1996. — Т. 2. — 1990. — 557 с.

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Макарова А. А., аспирант кафедры русской литературы XX–XXI веков и истории зарубежной литературы

E-mail: ms.asyamakarova@mail.ru

*Orel State University named after I. S. Turgenev
Makarova A. A., post-graduate student of the department
of Russian literature XX–XXI centuries and the history of foreign
literature*

E-mail: ms.asyamakarova@mail.ru